

ПРЕМЬЕРА

Чичиков жив?

Актерам театра «Дилижанс» предстоит петь подлинный текст Гоголя

МАРТА ТОНОВА
mail-ps@mail.ru

А все потому, что режиссер Евгений Зимин привез из Питера открытую им чичиковскую «чертовщину», которая стала ключом к провокационной премьере театра.

Одной крови

— Евгений, вы ученик Зиновия Корогодского, как и большинство ребят из труппы «Дилижанса». А значит, вы с ними «одной группы крови»...

— Да, безусловно. Я первый раз был в Тольятти в 1994 году. У нас тогда были большие гастроли «Театра Поколений», и мы вместе с Зиновием Яковлевичем дней десять были в Тольятти, показали здесь практически весь репертуар. Вот тогда у нас состоялось творческое и человеческое знакомство. Для меня очень важна атмосфера в театре, и, приезжая в третий раз в Тольятти, я понимаю, что мы с «Дилижансом» действительно «одной группы крови». Наверное, самое ценное, что я испытал здесь сейчас, что и спустя годы его атмосфера никуда не исчезла, не улетучилась. Атмосфера студийности, которую исповедовал и Зиновий Яковлевич. Здесь есть оазис чистого, в хорошем смысле слова наивного театра. Театра ради театра. Каким образом это сохраняется при том, что театру уже 30 лет, я не понимаю. Такого в принципе не бывает. И я действительно получаю гигантское удовольствие даже просто от общения с людьми, которые населяют этот дом. И от творческого взаимодействия с актерами тоже.

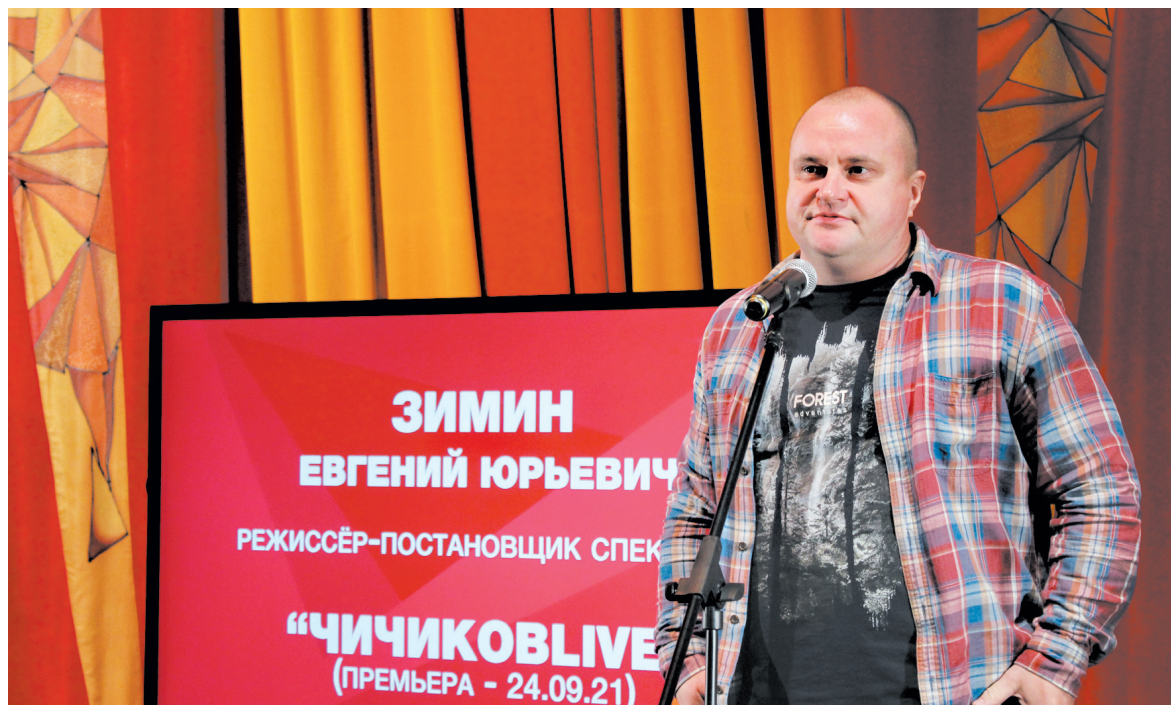
— Понятно, что, когда вы приезжали ставить «Преступление и наказание», актеров вы еще совсем не знали. Сегодня вы приехали работать над Гоголем в уже знакомую труппу. Знакомство делает режиссерскую работу проще?

— Когда я приезжал работать над спектаклем по Достоевскому, моим условием была неделя творческого знакомства до начала репетиций. Через тренинги. Через общение. Мне действительно нужно было познакомиться с людьми, почувствовать дух театра. Важно, чтобы возник творческий взаимообмен. И чтобы он не был на уровне «ходи влево, ходи вправо», а чтобы возник элемент сотворчества, очень ценный и для режиссера, и для актеров. Да, у нас есть момент родства. Есть чувство одного языка. Но при этом второй спектакль всегда сложнее первого.

— А я-то думала, наоборот. Ты не должен повториться. Должен случиться новый виток взаимоотношений.

Обольщение

— Вы имеете в виду форму, стилистику спектакля?

Евгений Зимин: «Спектакль – провокация на диалог. И великая миссия театров юного зрителя – провоцировать на не разрушающий, а позитивный диалог. Юного зрителя что-то должно зацепить. Он должен захотеть об этом говорить. Но при этом хочется, чтобы многослойность этого «пирога» считывалась всеми, и в том числе взрослыми людьми».

— Да. Новый язык. Отсюда и идея концерта. Когда мы с Виктором Мартыновым обсуждали музыкальное решение этого спектакля, он сказал, что ребята могут попробовать сделать это живьем. Так потихонечку начала рождаться форма «ЧичиковLive».

— Живая музыка на сцене этого театра уже была в «Черном лесу».

— Здесь надо иметь в виду, что в театре все делается не так уж и быстро. Мы с Виктором обсуждали «ЧичиковLive» задолго до «Черного леса», году в 2019-м. Но пандемия встала на нашем пути.

— Однажды вы сказали, что ставить классику можно только тогда, когда открыл в ней что-то новое. Что вам открылось в истории Чичикова?

— Это не первое мое обращение к Гоголю. Я в свое время ставил спектакль по повести «Нос». В процессе – работа над «Шинелью». Во всем этом есть такой важный момент, как энергия обольщения.

— Обольщения чем?

— Обольщения идеями. Это становится твоим двигателем. Ты должен себя чувствовать первооткрывателем. Да, мы все знаем, что есть забавные помещики и есть некий Чичиков, который зачем-то покупает мертвые души. А зачем? Я вам гарантирую, что девять человек из десяти не дадут четкого ответа на этот вопрос. Когда я перечитывал книгу, сам образ Чичикова стал моим первым открытием. А какой он, Чичиков?

— А какой он?

— Гоголь описывает Чичикова как некоего господина, который не молодой и не старый, не худой и не толстый... И ты вдруг понимаешь, что он какой-то... никакой. Как это? Главный герой и вдруг никакой? Но этот никакой умудряется войти в дове-

рие и подчинить себе целую губернию. И если мы отталкиваемся от Гоголя, автора «Вечеров на хуторе близ Диканьки», автора, в произведениях которого демоническое начало присутствовало всегда, возникает вопрос: а нет ли и в Чичикове этого самого начала? Может быть, это не просто милый скользкий тип?

“.....
Я ж адекватный человек и понимаю, что школьник не пойдет читать, он лучше посмотрит, про что эта история. Зная это, ты ищешь язык, который будет ему интересен.
.....

— Хорошее определение «милый скользкий»...

— Может быть, в нем есть какая-то чертовщина, с помощью которой он подчиняет всех и все? Мне кажется, Гоголь ставит вопрос, и мы, собственно, хотим реализовать эту тему в спектакле: а что вообще есть русская душа? Из чего она состоит? И ты понимаешь, что, как бы ты ни старался, проанализировать лоскутное одеяло русской души невозможно. Оно такое пестрое и разноцветное, как вот этот занавес в «Дилижансе». Разгул, ненасытность, хитрость, открытость, свет... Мы на сцене вместе со зрителем пытаемся разгадать эту русскую душу. И который раз приходим к выводу: нет ответа.

Чичиков-бэнд

— На пресс-конференции актеры показали нам первое появление Чичиков-бэнда, и оно обещает многое. А вы сразу знали, что это будет музыкальная история?

— Да. Если смотреть текст пьесы, то он написан как набор музыкальных номеров. Дальше мы уже с композитором Виктором Мартыновым обсуждали, как это будет звучать в спектакле.

— Но вы выбираете даже не фолк?

— Да. Мы для спектакля и инструменты покупали совсем не случайные, а исходя из стилистики истории.

— Получается с живым звуком и драматической частью спектакля?

— Ребята безоглядно бросаются в любой эксперимент, и это прекрасно. Не все получается. Но мы ищем. Самое главное во всей этой истории – почувствовать способ существования на сцене. Когда сюжет или идея не должна пропадать за формой. А с другой стороны, она не должна обываться. Актеры в этом качестве еще не работали. Получается этаким гремучий коктейль, хотя все происходит исключительно с текстом Гоголя. А у Гоголя ведь сила не в сюжете. 80% текста книги занимают лирические отступления и описания. Как поставить лирические отступления на сцене, чтобы это было не занудство, если именно они дают возможность транслировать нашу авторскую позицию?

— Евгений, актеры будут существовать в спектакле в новых для себя формах, этого мы и ждем от спектакля. Но ведь и вы тоже таких концертов не ставили?

— Вот такого точно не делал никогда. С диким восторгом всем

этим занимаюсь. Иногда бывает так, что мы что-то репетируем, а я понимаю, что в сцене должны быть заняты те, кто только что сидел за инструментами. Кто будет играть музыкальную тему, когда они выходят на сцену в роли? Но Виктор Валентинович спокойно говорит: «Не проблема. Ты, ты и ты – за инструменты». Выходят другие актеры, берут гитары и тему играют. И я не понимаю: как это происходит. Они что в этом театре все – мультиинструменталисты? И это не оттого, что мы фокус делаем. Мы здесь, на ваших глазах, моделируем сценическое пространство, меняемся инструментами и тут же играем сцену. Получается своеобразный джем-сейшен на тему «Мертвых душ». Постоянная трансформация из актеров в музыкантов и наоборот для меня тоже новый опыт.

Будет шумно

— Но вам ведь и музыки мало! Актеры осваивают и непростой пластический рисунок...

— Да, режиссер по пластике Маргарита Красных обладает режиссерским мышлением, отталкивается от природы драматического артиста и при этом создает уникальный пластический рисунок спектакля. Это смешение танца и драматического существования.

— А в какой сценической картинке это существование состоит?

— Мы не играем 19-й век. Мы рассказываем историю. Создаем не костюмы эпохи, а костюмы персонажей, и там намешано всего. Одна птица-тройка чего стоит. Не буду раскрывать всех деталей того, как она решена, но скажу, что лошадиных морд там точно нет. И хвостов тоже.

— Кому играете, Евгений?

— Любый спектакль – это многослойный пирог. Само по себе звучание бэнда, бесшабашность, в которой должны существовать артисты, это ориентировано на молодого зрителя. «Мертвые души» проходят в девятом классе. Я ж адекватный человек и понимаю, что школьник не пойдет читать, он лучше посмотрит, про что эта история. Зная это, ты ищешь язык, который будет ему интересен. Спектакль – провокация на диалог. И великая миссия театров юного зрителя – провоцировать на не разрушающий, а позитивный диалог. Юного зрителя что-то должно зацепить. Он должен захотеть об этом говорить. Но при этом хочется, чтобы многослойность этого «пирога» считывалась всеми, и в том числе взрослыми людьми.

Да, у нас будет шумно. Но мы хотим и будем говорить о душе.

Тел. 51-06-45
Есть вопросы? Звоните в редакцию.